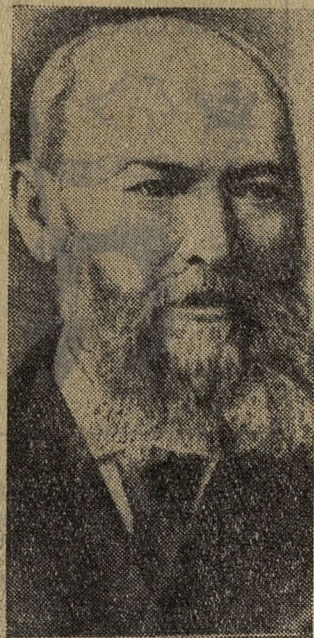

И 2 АПР 1973

• Сегодня — 150 лет со дня рождения А. Н. Островского

«НАСТОЯЩИЙ НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ...»

так назвал его великий Добролюбов. «Вы один, — писал И. А. Гончаров, обращаясь к Островскому, — достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр».

Это высказывание отдалено от нас почти сотней лет. Сменялись режиссеры, актеры, спектакли, моды. Но и сейчас редко встретишь в нашей стране театр, где не шли бы пьесы А. Н. Островского. Мало того, они всегда идут с успехом, под аншлаг. В чем же причина долгожительства драматургии Островского? Видимо, эту причину следует искать в глубокой и неизменной народности драматурга, в чьем творчестве, словно в зеркале, отразились прогрессивные идеи того времени. Откликался на важнейшие вопросы дня, отражая в своих пьесах типичные характеры, нравы, настроения, Островский создавал произведения большой жизненной ценности, произведения самобытные, наконец, глубоко актуальные.

«Поздравляю вас драматическим писателем», — эти слова были адресованы профессором Московского университета С. П. Шевыревым 24-летнему Островскому после того, как в феврале 1847 года последний прочел ему свою первую законченную пьесу «Картина семейного счастья». Пьеса имела огромный успех. В квартиру профессора Шевырева Островский вошел мелким чиновником Московского коммерческого суда, а вышел из нее признанным писателем.

Примером политической заостренности творчества начинающего драматурга может служить тот факт, что и пьеса «Картины семейного счастья», как и следующая, «Свои люди — сочтемся», была запрещена для постановки цензурой. Островского обвиняли в «оскорблении купечества». Сам Николай I, прочтя пьесу, громко заявил: «Напрасно напечатано, играть же запретить». После этого драматург попадает под негласный надзор полиции и вынужден покинуть работу в коммерческом суде. Единственным

средством заработать на жизнь стал труд литератора.

На всем протяжении творческого пути драматургу приходилось вести ожесточенную борьбу с цензурой, которая не желала, чтобы на сценах императорских театров пахло «мужскими армяками». И все-таки пьесы находили дорогу к зрителю. Одна за другой ставятся «Бедная невеста», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочешь»...

Сознательно заостренные, несколько даже утрированные образы «темного царства» — Тит Титыча Брускова («В чужом пиру похмелье»), Глумова («На всякого мудреца довольно простоты»), Градобоева («Горячее сердце») стали нарицательными. А на рельефных, масштабных характерах Катерины («Гроза»), Козьмы Минина («Козьма Минин»), Парашки («Горячее сердце»), Ларисы («Бесприданница») воспиталось не одно поколение. И когда театральные афиши сообщают, что на сцене вновь показывается пьеса А. Н. Островского, сотни людей спешат за билетами.

ОСТРОВСКИЙ ЖИВ, ОСТРОВСКИЙ НУЖЕН

Николай ЕФИМОВ, заслуженный артист РСФСР:

— Впервые с Островским я познакомился на Магнитострое. Может быть, удивляет читателя такое, казалось бы, несоответствие: грохочущая стройка первой пятилетки и великий живописец темного царства купеческой, «замосковенной» России. Но все же факт: тогда, в тридцатые, когда возводились на Магнитке доменные и мартеновские печи, коксовые батареи и сам город Магнитогорск, мы, молодые рабочие этой гигантской стройки, при-

в сердцах зрителей семидесятых годов. Мы, артисты, можем играть лучше или хуже, но всегда велик и нужен нам всем — великий Островский.

Татьяна КРАСНОПОЛЬСКАЯ, актриса театра имени Алексея Кольцова:

— Встреча с Островским для меня была знаменательна хотя бы уже потому, что я дебютировала в воронежском театре в пьесе «Светит, да не греет» (я была Оля Василькова). Эта роль уже два года остается моей самой любимой.

Я не буду писать о точках соприкосновения актера и образа, хотя это одно из условий в создании запоминающегося характера. Но что меня покорило в Островском-драматурге и сделало его поклонницей (не только как читателя или зрителя его пьес, а как исполнителя) — так это способность логически и закономерно выстраивать жизнь человеческого духа на протяжении всей пьесы, нигде не изменить и не нарушить естественных связей. Поражает его способность писать именно о конкретном человеке, совершающем именно эти поступки, вытекающие из его характера, привычек и склонностей...

Оля в конце пьесы «Светит, да не греет», потеряв любовь, добровольно уходит из жизни. Чтобы написать характер не сломавшийся неожиданно, а уже надломленный в тяжелой атмосфере общей человеческой беды (пусть ощущаемой пока лишь подсознательно), Островский уже в мажорной части роли, в начале пьесы, когда Оля еще любима, когда Оля еще рада и тепло жить, дает ей слова — «мне все мерещится, что мать грозит из могилы».

сердится». Как точно сделана атмосфера пьесы этим предчувствием беды, — не осязаемой, но конкретной, а той тяжести, что вдруг приходит, когда счастье, кажется, достигло апогея и лучшего в жизни уже ничего не будет.

Но Островский не изменяет жизненной правде: его Оля борется за жизнь — в той сцене в лесу, с Залешинным, когда у девушки мысли о смерти и жизни как бы наступают друг другу на пятки, где она понимает, что любовь ушла, но еще неплещется за призраком счастья, за крошечную соломинку надежды... А когда выбор сделан, стало сразу легко и просто, и лишь одно беспокоит Олю — как сняться с любимого вину.

Тема нравственной цельности, любви и верности делает пьесы Островского современными и сейчас. Пока Островский заставляет нас смеяться и плакать — он живет.

ЕСТЬ ОБЫЧАИ, отмечая юбилей великих писателей и драматургов воплощением их произведений на сцене. Наш драматический театр имени А. Кольцова традицию не нарушил, поставив к 150-летию со дня рождения Александра Николаевича Островского одну из самых значительных его вещей — комедию «На всякого мудреца довольно простоты».

Однако при самом уважительном отношении к традиции нельзя забывать об определенной опасности, которую она таит. Опасность кроется в «необходимости» ставить произведения данного автора, даже если театр не имеет сейчас собственного прочтения пьесы, не ощущает силовых линий, связывающих классическое произведение с процессами современной жизни. То есть может появиться спектакль, сконструированный, а не пережитый.

Постановщикам «На всякого мудреца довольно простоты» Глебу Дроздову и Нине Гапоновой удалось избежать этой опасности. Их спектакль являет черты «буквального» прочтения классических образов, но прочтения, обогащенного исторической перспективой.

Прежде всего — удачное оформление Нины Гапоновой. Выполненный в скупой черно-белой гамме фасад доходного дома вышерядной руки, на нем вывески и реклама последних десятилетий XIX века, содержание которых соответствует: «Горюхитесь, не упустите момент, ловите свою удачу!». Все очень лаконично, графично, функционально. Но когда стена дома поднимается, мы видим вполне дополненные хоромы, где только отдельные детали — чересчур большие портреты в кабинете Крутицкого или сочетание статуи-колонн с обширным и ярким иконостасом в гостиной Турусиной — придают оформлению определенно сатирический оттенок.

Точно продумана церемония представления действующих лиц перед каждым из первых двух актов. Они появляются перед зрителями под шум то ли брани, то ли аукциона, вызываемые гротескными и громкоговорителем: всякому фрукту своя пора, всякий сверчок на своем месте. А когда в спектакле возникнут самые сложные, самые трудные для героя ситуации, появится короткий кусочек мелодии «Эй, ухнем!». И странное несоответствие этой песни, которую пели бурлаки в минуты самого напряженного труда, со стремлением главного героя добиться теплого места и богатой невесты звучит едкой насмешкой над ним и его окружением (музыкальное оформление В. Масленинкова). Действие спектакля развивается в напряженном, «обгоняющем» ритме, настраивая зрителя не на созер-

цание, а на отношение к происходящему.

Итак, некто Егор Дмитриевич Глумов, молодой небогатый человек, с лисей доктостью использует тупость, чванство, невежество, предвзятости вставших на его пути высокопоставленных господ, чтобы войти в их общество и сделать себе состояние. В спектакле нет и не может быть положительного героя. Театр отказывается от попытки придать речам Глумова обличающий характер. Он «волк среди волков», он порождение этого общества,

ЕГОР ГЛУМОВ И ДРУГИЕ

ему бы только пролезть к пирушечному столу крупного зверя, а там он, конечно, сумеет отхватить кусок пирушечки (цену им и себе он знает). В этом смысле самой удачной и интересно решенной сценой в спектакле можно считать финальный монолог Глумова. Даже временно отвернувшись, он войдет в столь желанное для него общество власть имущих: режиссер, равно как и исполнитель главной роли Вадим Соколов, сомнений в том нам не оставляют.

Глумов у Соколова многогранен, легко и точно меняет он личности в зависимости от обстоятельств. Он умен и интуитивен, сегодня или завтра он добьется своего. Отсюда та наглая уверенность, с какой он занимает место в центре сцены в уже описанном представлении персонажей. Глумов — несомненная удача артиста, хотя нельзя сказать, что вся роль сделана на одинаково высоком уровне. Самые интересные и захватывающие эпизоды, конечно, финалы 5-й и 6-й картин. А вот в первой картине еще не найдена точная природа взаимоотношений Глумова с матерью, ощущается актерское напряжение исполнителя, а не внут-

ренняя собранность его героя перед важным шагом в жизни.

И мать Глумова (Римма Несмелова) не выглядит в этой картине достойной соратницей сына. Его слова о матери: «Я умен, зол, завистлив; весь в вас», — получают сценическое оправдание только во 2-й картине.

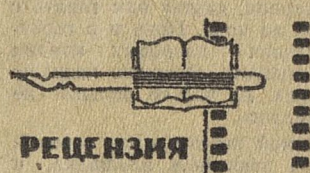
Намного интереснее и психологически вернее разработаны отношения Глумова с четой Мамаевых. Борис Крачковский рисует легко узнаваемый портрет превосходительства в отставке; роль

выстроена добротно, образ получился выразительный и четко очерченный; его сценическая жизнь протекает ровно, без спадов, хотя, правда, и без особых открытий и подъемов.

Клеопатра Львовна Мамаева (Римма Мануковская) — женщина хитрая, властная, в своих желаниях необузданная. Особенно хорошо идет сцена, когда Мамаева читает дневник Глумова. Она как будто бы знает заранее, что там может быть написано, и все же чисто по-женски раздражена прочитанным. Она отнюдь не мстит Глумову, а просто дает ему хороший урок.

Крутицкий в спектакле играет два актера — Николай Ефимов и Анатолий Ильин. Разные в своей актерской индивидуальности, они создают два совершенно разных образа. Ефимов щедрее пользуется актерской палитрой, в его Крутицком больше полутонов. Особенно запоминаются его круглые наивно-беспомощные глаза старца, «котрый, дожив до шестидесяти лет, умудрился сохранить ум шестилетнего ребенка». Однако в его Крутицком не чувствуется «очень важный господин», истинно по-генеральски заносливый в сознании правильности своих жизненных позиций. К Крутицкому Ильин отношение получается сложнее. Заявлен образ четкий и определенный: в Крутицком Ильина больше тонкости, интеллигентности (при всей условности этих терминов в данном случае), но создается впечатление, что актер не завершил еще свою работу, не досказал со сцены чего-то очень важного.

Здесь нужно заметить, что из спектакля выпадает очень интересно и остро написанная Островским сцена беседы Крутицкого с Мамаевым в начале 2-й картины. Режи-

серское решение этой сцены не найдено, и она проходит незамеченно, тогда как несомненно важна для более выразительной характеристики этих двух господ.

Явно ниже общего ритмического уровня идут эпизоды с Городулиным во 2-й и 3-й картинах. Анатолий Гладнев чересчур ровен и спокоен среди общего кипения страстей на сцене. И только в последней картине проступают контуры довольно своеобразно решенного образа — циника чистой воды, перед которым и сам Глумов всего лишь подросток.

Тамаре Павловой, которая играет Турусину, удалось только внешний рисунок роли. Она изображает — умело, профессионально, однако лишь изображает — богатую недалекую барыню-ханжу, но не живет на сцене, сливаясь со своей героиней.

А вот ее племянница Маненька получила у актрисы Тамары Семенович очень интересной, органичной и выразительной. Молодая актриса достойно поддерживает сатирическую линию спектакля.

Подлинно близкими к Островскому и в то же время не иллюстративно звучащими предстали Манефа (Мария Шнирлова) и Голутвин (Александр Новиков). Несусветная глупость, невежество вечно пьяной Манефы подчеркивают тот нравственный и культурный уровень, на котором стоят господа, принимающие ее в своих гостиных. Новиков в совсем небольшой роли находит материал для создания характера, артист мастерски пользуется самыми яркими сатирическими красками.

Говоря об этом спектакле, никак нельзя выпустить из виду маленькие роли слуг и приживалок. По-настоящему творческое отношение к работе позволило артистам Г. Манежиной, А. Соколовой, Г. Грачеву, В. Крачкину, И. Чижмакову создать характерные зарисовки, найти индивидуальные краски для каждого персонажа.

Возвращаясь к спектаклю в целом, можно сказать, что драматический театр имени Алексея Кольцова сделал хороший подарок городу к юбилею А. Н. Островского. Четко выраженная нравственная концепция, праздничная и подлинно театральная атмосфера постановки, целый ряд несомненных актерских удач позволяют рассчитывать на долгую жизнь комедии великого драматурга на воронежской сцене.

Н. БАБЕНКО, инспектор областного управления культуры.

НА СНИМКЕ: Глумов — Вадим СОКОЛОВ. Фото А. Варламовой.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР

Над сценой Воронежского драматического театра имени А. Кольцова — портрет Александра Николаевича Островского и огромные цифры 1823—1973. Торжественный вечер, посвященный славному юбилею великого русского драматурга, открыл начальник областного управления культуры Николай Павлович Никифоров. О творчестве А. Н. Островского говорили кандидаты филологических наук Анатолий Александрович Слинько.

Потом — концерт, который дала актриса драматического театра Людмила Крайнова. Его участниками были профессорские актеры — заслуженные артисты РСФСР Владимир

Шкурский, Римма Мануковская, Николай Ефимов, Вадим Соколов, артисты Римма Несмелова, Александр Новиков, Надежда Бапаркина, Юлия Солнцева, Валерий Билов и другие, выступившие в сценах из спектаклей драматического театра («Светит, да не греет» и «На всякого мудреца довольно простоты») и Тюза («Гроза»), а народный театр Дворца культуры забора имени С. М. Кирова — показал отрывок из спектакля «Женитьба Белугина».

В антракте заслуженный работник культуры РСФСР Николай Ипполитович Анилов рассказал об организованной в фойе театра выставке его эскизов-декораций к спектаклям по пьесам Островского и эскизов-пейзажей, сделанных художником в усадьбе-заповеднике драматурга в Щелыжине.